

конституционные нормы и положения, как нам кажется, не следует рассматривать как разновидность конституционной реформы. Хотя, с другой стороны, к примеру, порядок избрания органов государственной власти федерального и регионального уровней является одним из важных конституционных институтов. Нельзя не согласиться с мнением Д.А. Авдеева, который проанализировав процедуру образования (формирования) высших органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, сложившуюся в период с 2007 по 2010 годы, приходит к выводу, что «отчетливо видна основная тенденция, направленная на максимальное сокращение участников избирательного процесса в результате введения формализованных требований в ходе организации и проведения избирательных кампаний» [2, с. 30].

В-четвертых, результатом любой правовой реформы должно стать достижение целей стратегического развития государства в определенной сфере общественных отношений. В этой связи необходимо иметь научно обоснованную экономически выверенную концепцию или же стратегию поэтапного реформирования, включая содержательное обоснование планируемых поправок в Конституцию.

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020 № 1. С. 31-44.
2. Авдеев Д. А. Демократическая иллюзия участия народа в формировании органов публичной власти в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 4. С. 23-31.
3. Авдеев Д. А. Конституционная концепция региональной политики в Российской Федерации //

Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 3. С. 152-163.

4. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.01.2009, № 1, ст. 1.

5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.01.2009, № 1, ст. 2.

6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.02.2014, № 6, ст. 548.

7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.07.2014, № 30 (Часть I), ст. 4202.

8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.03.2020, № 11, ст. 1416.

9. Клишас А. А. Конституционные реформы на современном этапе правового развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 133-136.

10. Лебедева Н. В. Законы о поправках к Конституции РФ в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 18-21.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Байзакова Раушан Бекмахановна

*магистр права, старший преподаватель
Казахский Национальный Аграрный Университет
г. Алматы*

[DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.272](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2020.1.58.272)

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию вопросов применения специальных видов уголовного ответственности по новому законодательству Республики Казахстан.

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the application of special types of criminal liability under the new legislation of the Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: ответственность, наказание, преступление, уголовное дело, законодательство, лишение свободы.

Keywords: responsibility, punishment, crime, criminal case, legislation, imprisonment.

Взгляды на наказание и преступление в казахском праве несколько отличались от тех взглядов, которые существовали в юридических памятниках других народов, имевших более развитые

системы феодального права. Эти особенности более отчетливо проявляются в памятниках казахского обычного права относящихся к периоду до начала присоединения Казахстана к России, и постепенно

исчезают в памяти обычного права последующего периода, когда Казахстан вошел в состав Российской империи.

Для правильного понимания подлинной сущности наказания в казахском обществе очень важно раскрыть характеристику некоторых его институтов.

Вместе с тем учитывая, что основной массив рассмотренных уголовных дел приходился именно на мировые суды, можно сделать вывод, что в уголовной политике Российского государства все же преобладали наказания, не связанные с лишением свободы, преимущественно денежные взыскания. Общий уровень осужденных к лишению свободы по современным меркам был достаточно невысокий.

Что касается мер законодательного обеспечения, то на сегодня приняты законы, снижающие на законодательном уровне административное давление на бизнес, позволяющие ввести правовые механизмы защиты собственности. Также создана правовая база по гуманизации уголовного законодательства.

Вместе с тем дальнейшее продвижение в этой важной для государства и общества работе нуждается в адекватном законодательстве. В частности, это касается дальнейшей декриминализации преступлений, не представляющих большой общественной опасности; переоценки степени тяжести отдельных преступлений путем их перевода в категории менее тяжких; исключения лишения свободы из преступлений небольшой и средней тяжести; внедрения альтернативных уголовному наказанию мер государственного принуждения; совершенствования институтов освобождения от уголовной ответственности.

В настоящее время лишение свободы предусмотрено в 86% санкций Особенной части Уголовного кодекса [1, с.15]. Соответственно, лишение свободы не предусматривается лишь в отдельных санкциях преступлений небольшой и средней тяжести (14%). Из общего числа санкций, предусматривающих лишение свободы, в 54% указанный вид наказания содержится с альтернативными видами наказаниями и 46% - без альтернативы лишению свободы. При этом 2/3 санкций предусматривают лишение свободы без альтернативы за тяжкие и особо тяжкие преступления, а 1/3 - за преступления небольшой и средней тяжести. По данным Комитета уголовно-исполнительной системы, около 1,5 тыс. осужденных будут освобождены из мест лишения свободы.

В то время как Казахстан выбрал путь гуманизации уголовной политики через поэтапное реформирование уголовного законодательства, эти цифры более чем убедительно демонстрируют чрезмерную репрессивность Уголовного кодекса и правоприменительной практики.

Только за последние пять лет у нас осуждено свыше двухсот тысяч человек. Из них почти половина получила приговор лишения свободы,

процент условно осужденных равняется 36,9, и только 16,9% составляют лица, к которым был применен штраф, исправительные работы, ограничение свободы и другие виды наказаний. При этом высоким остается уровень применения лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести. За последние четыре года число осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях за преступления небольшой и средней тяжести, увеличилось почти в два раза. За указанные категории преступлений в прошлом году судами приговорены к лишению свободы 2/3 от всех осужденных.

Наряду со сложившейся практикой, в деятельности судов имеет место другая тенденция - широкое использование условного осуждения. Такая мера применяется в более чем три раза чаще по сравнению со штрафом, привлечением к общественным работам и другими мерами государственного принуждения. Начиная с 2005 года, институт условного осуждения дает возможность не направлять в места лишения свободы четверть от всех лиц, осужденных приговором суда к различным срокам лишения свободы [2, с.85].

Однако условное осуждение - это не вид наказания, а возможность исправления осужденного без отбывания наказания путем установления испытательного срока, в течение которого осужденный должен своим поведением доказать исправление. Как свидетельствует практика, не всегда условное осуждение способствует исправлению [3, с.122]. В условиях отсутствия соответствующего контроля и надзора со стороны государственных органов и единой системы социальной адаптации и реабилитации мы нередко сталкиваемся с тем, что указанная категория лиц вновь пополняет число преступников.

Полагаю, что возможности сокращения применения лишения свободы за счет расширения условного осуждения практически исчерпаны. Поэтому во всей очевидности встает вопрос разрешения другой проблемы - посткриминального государственного контроля и соответствующей социальной реабилитации условно осужденных. При этом мы должны учитывать, что в помощи и одновременном контроле со стороны государства нуждаются и лица, освобожденные из мест заключения условно-досрочно и по истечении срока отбывания наказания.

В этой связи в реабилитационных программах важная роль отводится последовательной политике государства по гуманизации уголовного законодательства и действенной профилактике правонарушений. В части профилактики правонарушений наше законодательство располагает необходимой нормативно-правовой базой. Приняты соответствующие законы, создана правительственная Межведомственная комиссия по профилактике правонарушений, утверждена отраслевая Программа профилактики правонарушений на 2018-2019 годы.

Вопросы же государственного посткриминального контроля, механизма социальной адаптации лиц, освобождающихся из мест заключений, оказания им помощи по бытовому и трудовому устройству до настоящего времени остаются не проработанными, в том числе на законодательном уровне. С учетом того, что отсутствие должного законодательного регулирования влечет за собой повышение уровня рецидивной преступности, актуализируется необходимость разработки и принятия отдельного закона, нацеленного на социальную адаптацию лиц, освобождаемых из мест лишения свободы [4, с.69].

Особый акцент следует сделать на вопросах посткриминального контроля. Контроль за поведением условно осужденных и условно-досрочно освобожденных военнослужащих возложен на командование воинских частей и учреждений. Таким образом, законодательно определен субъект, осуществляющий посткриминальный контроль за поведением указанной категории лиц. Контроль за условно осужденными в течение испытательного срока осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства условно осужденных и органами внутренних дел. Контроль же за поведением лиц, которые условно-досрочно освобождены от отбывания наказания, осуществляют органы внутренних дел по месту жительства освобожденного.

Таким образом, согласно действующему законодательству, контроль за поведением условно осужденных осуществляют две структуры, первая из которых основная - уголовно-исполнительные инспекции Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции, а вторая вспомогательная - органы внутренних дел [5, с.58]. Контроль же за поведением лиц условно-досрочно освобожденных возложен только на органы внутренних дел.

Такая «схема» контроля вызывает вопросы и является объектом научных и практических дискуссий. На сегодня мы имеем две противоположенные позиции относительно государственного органа, который обязан осуществлять посткриминальный контроль. Первые склоняются в пользу органов внутренних дел, которые в силу специфики своей деятельности обязаны контролировать в пределах компетенции соблюдение лицами, условно осужденными или освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них в соответствии с законом ограничений. Эта позиция основывается на том, что полиция располагает для реализации данных целей соответствующими правами и ресурсами.

Вторые полагают, что этими субъектами должны стать уголовно-исполнительные инспекции, поскольку именно их деятельность напрямую связана с исполнением наказаний. Приверженцы такого мнения считают, что органы внутренних дел не должны осуществлять посткриминальный контроль за указанной

категорией лиц в силу того, что указанные полномочия избыточны и не свойственны для полиции.

Скажу: одной из причин разногласий является отсутствие четкой системы, обеспечивающей должный контроль за указанной категорией лиц. Это обусловлено тем, что на органы внутренних дел возложено огромное количество функций и полномочий, где посткриминальный контроль не является приоритетной задачей [6]. Что касается уголовно-исполнительных инспекций, на которых законом возложены такие обязанности, то они в силу своей неразвитости просто не в состоянии обеспечить полноценный посткриминальный контроль.

На мой взгляд, следует более внимательно присмотреться к международной практике, демонстрирующей примеры эффективной работы специальных служб пробации, создаваемых государством. Эти службы, занимающиеся не только контролем за поведением данных лиц, но и их реабилитацией, успешно работают в США, Великобритании, во многих европейских государствах.

В реализации программ пробации участвуют органы исполнительной власти либо привлекаются также общественные организации. При этом различаются виды пробаций и органы, которые осуществляют ее на различных стадиях. В настоящее время известны такие виды пробаций, как досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Последними двумя видами в большинстве стран занимаются органы юстиции, поскольку это позволяет в рамках одного ведомства обеспечить согласованность действий между органами исполнения наказания и пробации. Кстати, в ближайшей перспективе служба пробации будет создана и в России.

Полагаю, что использование такого положительного опыта и в нашей стране позволит обеспечить полноценный посткриминальный контроль. Тем более что Минюстом уже разработаны соответствующие проекты законов, документы предполагается внести на рассмотрение Парламента осенью текущего года. Законодательное подкрепление этого важного направления станет еще одним шагом к снижению уровня преступности и обеспечению законности и правопорядка в обществе.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан №226-V ЗРК от 3 июля 2014 года (введен в действие с 1 января 2015 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.05.2018) <http://www.zakon.kz> 22
2. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республике Казахстан. Общая часть (том 1) / Под общ. ред. Генерального Прокурора Республики Казахстан, Государственного советника юстиции 1 класса Даулбаева А.К. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015.

3. Уголовное право. Общая часть. Учебник под редакцией: А.Н.Агыбаева, Г.И. Баймурзин

4. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П., Рыхлов О.А. Уголовное право Республики Казахстан. Алматы. Жеті Жарғы. 2010.

5. Уголовное право Республики Казахстан:Общая часть.Учебник. Отв..ред.-д.ю.н.,

проф. И. И. Рогов и д.ю.н. К.Ж.Балтабаев.Алматы: Жеті Жарғы,2016.

6. Статья из сайта <https://tengrinews.kz/>, председатель Комитета Сената по законодательству и правовым вопросам, авт. Берик Имашев

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗА ПО ВОПРОСАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Гулямов Саид Саидахорович

*Доктор юридических наук, профессор
Ташкентского юридического университета.
100001, Узбекистан, Проспект Каримова 63*

REGULATORY LEGAL FRAMEWORK FOR THE REGULATION OF THE DIGITAL ECONOMY

Gulyamov Said Saidakhrovovich

*Doctor of Law, Professor
of the Tashkent Law University.
100001, Uzbekistan, Karimov Avenue 63*

Аннотация

В настоящее время какой-либо документ международно-правового характера, унифицирующей основные положения, фиксирующие достигнутый уровень цифровизации общества отсутствует. В статье рассматриваются вопросы нормативно-правовой база по вопросам регулирования цифровой экономики.

Abstract

Currently, there is no document of an international legal nature that unified the main provisions that fix the achieved level of digitalization of society. The article discusses the issues of the regulatory framework on the regulation of the digital economy.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, ISO, гражданское право, нормативная база, цифровизация, отраслевое законодательство.

Key words: international legal regulation, ISO, civil law, regulatory framework, digitalization, industry legislation.

Digitalization is a global trend; therefore its implementation is one of the key directions of our country's policy. Changing the regulatory framework for regulating the digital economy is difficult without researching new phenomena introduced by the era of digitalization. Although a number of documents have been adopted that contributes to the formation of the foundations of international legal regulation in a digital society. One of these documents is the Okinawa Charter for the Global Information Society of July 22, 2000 year, adopted by representatives of the eight leading world powers and proclaiming the need to create a regulatory framework that facilitates cooperation to optimize global networks and reduce the digital divide. Another document is the UN General Assembly Resolution of December 18, 2013 year No. 68/167 "The right to privacy in the digital age."

Mention may also be made of international standards, in particular the technical standards of the International Organization for Standardization (ISO). For example, in the field of regulation of robotics, there are: ISO 13482:2014 standard on robots - personal assistants; ISO/TS 15066:2016, which establishes safety requirements for robots and the working environment; ISO/TR 20218-1:2018 standard containing guidance on safety measures in the design

and integration of industrial robots, etc. In 2016 year, the EU adopted the General Regulation on data protection effective May 25, 2018 year. This document unified the protection of personal data (including personal employee data). In the same 2016 year, the European Parliament discussed the reports "Industry 4.0" and "Industry 4.0. In the same year, the document "Digitalization for Productivity and Growth" was prepared by the Industry, Research and Energy Committee of the European Parliament.

At the same time, the Legal Affairs Committee of the European Parliament instructed the Citizens Rights and Constitutional Affairs Department to conduct a study on European civil law in robotics and the final report was presented on the parliamentary website, after which a comprehensive document was developed on the basic regulation of robotics.

The legal status of participants in digital ecosystems is determined by two components:

- Firstly, their role in those legal relations that are "transferred" to the digital space (for example, the seller and buyer of a thing in an online store, a customer and a service provider, an author of a literary work and a consumer of digital content, a taxpayer and a tax authority, an operator of personal data and the subject of personal data, etc.); the legal status of participants in